

Леонид Почивалов

ЗАЧЕМ Я?

**ЗАЧЕМ
зачем я? Я?**

человек
среди
людей

человек
среди
людей

Леонид Почивалов

ЗАЧЕМ зачем я? Я?

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
МОСКВА — 1976

1МИ7
П65

Почивалов Л. В.

П65 Зачем я? М., «Сов. Россия», 1976.
 48 с. (Человек среди людей)

Разговор о том, что такое достоинство и порядочность, тактичность и уважение. Нашим современникам посвящена эта книга, состоящая из отдельных очерков, рассказов и эссе.

П 10507—019
М—105(03)76 20—76

1МИ7

«Если я не за себя, то кто же за меня? Но если я только за себя — зачем я?»

Это изречение древнего мудреца. Действительно, зачем Я? Зачем существую на свете? Человек я обыкновенный. Новую Сикстинскую мадонну не напишу, на Марс меня космонавтом не отправят. Но если есть во мне что-то стоящее, настоящее — нате, берите, мне не жалко, я буду только рад и благодарен. Иначе, в самом деле, зачем тогда Я?

В этой книжке собраны очерки, рассказы, эссе, весьма разнообразные по тематике, но в целом охватывающие круг проблем нравственного характера. Подборка их никак не претендует на изложение некой системы нравственных основ. Я вовсе не стремлюсь преподать курс лекций по современной этике. Уверен, что беседы о нравственности одним махом не делают человека человеком. Таковым он становится под воздействием многих факторов — семейной обстановки, учебы, работы, искусства, участия в общественной жизни — словом, под воздействием всех многообразных форм влияния общества на человека.

Но бывает, что воспитывает и семья, и школа, и работа, но так получается, что не прививают самого главного — уважения к человеку. Человеческое достоинство — это то, что в нас самое уязвимое. Даже одним словом можно нанести такую душевную рану, с которой не справится ни одно физическое насилие. Поэтому, оберегая собственное достоинство, берегите чужое! «Кто легко склонен терять уважение к другим, тот прежде всего не уважает себя», — писал Ф. М. Достоевский.

Отнестись к кому-либо с добротой и сердечностью, прийти на помощь слабому, защитить женщину, проявить принципиальность и твердость, в трудные минуты уметь быть великодушным и милосердным — так поступать должен каждый уважающий себя человек.

Некоторые ошибочно полагают, что нравственный облик человека определяет степень образованности. Конечно, но только в сочетании с культурой чувств, желаний, воли, культуры поведения, широтой развития и взглядов. Можно встретить инженера, артиста, ученого, который слышит человеком невоспитанным, нравственно примитивным. Может быть, ошибочность такого убеждения и приводит к тому, что мы слишком мало уделяем внимания воспитанию воспитанности, этике поведения человека в обществе. Говорим: «Сам должен понимать — грамотный!» И удивляемся, что этот «грамотный» не понимает самых элементарных вещей. А он, возможно, просто-напросто их не знает? Этические знания столь же серьезные знания, как и всякие другие. «Есть много родов образования и развития,— писал В. Г. Белинский.— И каждое из них важно само по себе, но всех их выше должно стать образование нравственное. Одно образование делает нас человеком ученым, другое — светским, третье — административным, военным, политическим. Но нравственное образование делает нас просто человеком».

Оглянись вокруг... Каждодневно ты встречаешься с сотнями, тысячами людей, видишь их на улице, бок о бок с ними в автобусе, сидишь рядом в кино, живешь на одной улице, под одной крышей. В большинстве это незнакомые, случайно встретившиеся, малознакомые. Но разве можно сказать, что ты их вовсе не знаешь? Все они — граждане нашего общества, наши современники, вместе с нами варят сталь, ведут поезда, пашут землю, делают одно общее дело — строят на земле новый, лучший мир. Все они — люди труда, и каждый заслуживает высокого уважения.

«ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ»

Этот человек не выдуман мною. Живет он на Урале. Подлинную его фамилию привести не могу. Пусть будет он Захаровым. Так вот, в последние пятнадцать лет мне

довелось с ним встретиться трижды. Впервые я увидел Захарова в самом расцвете славы. О нем писали газеты, его портреты печатались на обложках журналов, к нему проявляла пристальное внимание кинохроника. Еще бы! Прославленный на всю страну сталевар, лауреат Государственной премии, депутат, член разных важных комитетов. Если где выступать «от имени» — неизменно Захарова, если посыпать куда делегацию, то как без Захарова?

И вдруг однажды во время работы у мартена он, как подстрелянный, рухнул на горячие бетонные плиты цеха. Врачи определили: серьезная болезнь сердца. Теперь и речи не могло быть о мартене, да и вообще о физическом труде. Двадцать семь лет... Любимой профессии лишился. Образование всего семь классов. Куда деваться? Предложили Захарову быть парторгом цеха — все-таки лауреат! Отказался. Самолюбие не позволило. Какой из него парторг — письмо пишет и чуть ли не в каждой строке грамматическая ошибка. Голова у Захарова варит не плохо, лауреатства не случайно добился, да вот простить себе не может, что в свое время на седьмом классе поставил в своем образовании точку. Вот и получилось, что со всеми своими заслугами он теперь — ноль. И как с этим примирить годами выраставшую амбицию?

Случилось необычное, такое, на что способен не каждый. Решил человек не только резко переменить свою жизнь, но и самого себя переделать заново. В возрасте под тридцать взялся за самовоспитание. Взялся с крепкой рабочей хваткой и упрямством, которое помогало ему в прошлом достигнуть немалых успехов. Прежнюю амбицию, прежнюю привычку быть всюду на виду — вон! Он теперь самый рядовой. О прошлых высоких заработках забыть! Он теперь не из богатых. Новая цель в жизни — учеба. И вот недавний высококвалифицированный сталевар, слава и гордость завода и города садится за стол рядом с подростками, став студентом металлургического техникума. Год за годом Захаров аккуратно ходит по утрам на учебу и делает все, что должны делать его сокурсники, которых он старше вдвое. Не допускает по отношению к себе никаких поблажек со стороны дирекции техникума. Эти годы были не только годами учебы, но и коренной ломки характера.

Во второй раз я встретил Захарова уже после того, как он закончил техникум и поступил на вечернее отде-

ление института. Я не узнал Захарова. Не только потому, что годы в какой-то степени изменили его облик. Он и внутренне стал другим. Вроде бы человека подменили. Раньше в его поведении, мимике, жестах и особенно в словах сквозило стремление доказать и показать, что он не такой, как все, что он из «вёрхов», отобранный и приобщенный. Даже когда говорил со мной наедине, будучи рассеянным и непринужденным, в тоне чувствовались нотки превосходства: знай, мол, наших! Сейчас передо мной был спокойный, сдержанный, даже скорее замкнутый человек, склонный к тому, чтобы в каждой беседе прежде всего искать смысл, пищу для размышлений. Нет и следа прежней позы. Скромен, естествен. Я поразился: вот как, оказывается, может человек сам себя перелицевать. В минуту откровенности признался:

— Нелегко было. Прошлый Захаров во мне бунтовал, сопротивлялся, иногда даже верх брал на некоторое время. Но я его все-таки скручивал, валил, придавливал коленкой к земле.

И добавил после недолгого молчания:

— Говорят, самая трудная на свете борьба — борьба с самим собой. Эту истину, поверьте мне, я испытал на собственной шкуре.

В третий раз Захарова я встретил еще пятилетие спустя. Я оказался в его городе в дни Октябрьских праздников. Он пригласил меня на вечер. На завод, где когда-то работал. На торжественном заседании в заводском клубе в числе выступавших был и Захаров. Председатель собрания сказал:

— А теперь от имени воспитанников нашего завода выступит бывший сталевар, лауреат Государственной премии, кандидат экономических наук Владимир Петрович Захаров.

В ответ на эти слова зал разразился громом аплодисментов. Зал приветствовал мужество.

«Познай самого себя», — говорили древние греки. Именно познание своих недостатков является единственным путем к их исправлению.

Человек развивается в бесконечной внутренней борьбе с самим собой. Он стремится преодолеть свою натуру, те особенности, что ему кажутся противными его представлениям о нравственности. Например, он от природы вспыльчив и резок. А если взять себя в руки или, как говорит Захаров, придавить коленкой к земле? Попробо-

вал сдержаться один раз, потом второй, двадцатый, и дурная привычка будет постепенно угасать, пока не исчезнет совсем. Ведь тем-то и отличается человек от животного, что должен уметь управлять собой.

ЩЕДРОСТЬ

— ... Максимовой поначалу многое очень легко давалось. Поэтому нам с ней было не так-то просто. Немало ей пришлось в себе преодолеть.

Это говорит Галина Сергеевна Уланова.

Говорит сдержанно, даже суровато, улыбка ни разу не проскальзывает на ее губах. Никаких громких слов, щедрых оценок, превосходных степеней. Даже как-то неожиданно... Неужели прославленная балерина Екатерина Максимова, народная артистка СССР, завоевавшая немало премий и призов, в том числе почетную премию Анны Павловой в Париже, не заслуживает более лестных слов?

И тут же другая мысль: так ведь это же учитель об ученике, мастер — о своем творении! Какие тут могут быть восклицания!

Я вдруг вспоминаю тот вечер. Высокие своды театра, торжественный свет люстр, радостно-сдержанная суета в ложах... Оказаться в Большом театре всегда праздник. А тут еще впервые в балете «Ромео и Джульетта» заглавные роли танцуют Екатерина Максимова и Владимир Васильев. Незадолго до поднятия занавеса я увидел, как в партере произошло какое-то движение, многие обратили лица в одну и ту же сторону. В одной из лож появилась небольшого роста стройная женщина. Ее легко узнавали — Уланова. Сколько раз я видел Уланову на сцене, и вдруг она в зрительном зале! И на этом балете! Неожиданно и немного грустно. Ведь это же ее, улановский, балет, именно она создала на сцене Большого театра свою неповторимую Джульетту.

В тот вечер факел искусства переходил от одного поколения к другому. Не померкнет ли, оказавшись в другой руке? Зал был настороже. Когда в последний раз опустился занавес, зал разразился овацией. Всем было ясно, что теперь это была уже другая Джульетта, тоже прекрасная, нежная и тоже неповторимая, уже — максимовская. Переданный ученику мастером факел не погас.

Артистка балета Валентина Савина охотно рассказывала о «нашой Кате», с которой знакома с первого класса балетного училища. Говорила об особенностях Катиного характера — сдержанность в проявлении чувств, но в то же время простота и естественность в общении с людьми. «Естественность — главное в ней и в Васильеве. За это их и любят в театре. Люди с мировыми именами, а для всех в театре — Катя и Володя.— Савина показала гримерную Максимовой — большую комнату, заставленную зеркалами.— Кроме Кати, здесь еще шестеро». Объяснила: Катя сюда пришла после окончания училища семнадцать лет назад, да так и не захотела уйти от подруг в более удобную для ведущей солистки театра гримерную. У двери — стол Максимовой. На нем ее крошечные балетные туфли и рядом с ними... довольно увесистый... молоток. «Зачем он тут?» Савина смеется: «Орудие труда балерины — туфли расколачивать, так, чтобы даже крошечной неровности под ступней не оказалось. Иначе — мука.— И добавляет:— Этот молоток подарила Кате Галина Сергеевна. Вроде как бы символ нашего тяжкого труда».

Труд! Здесь о балете говорят не «искусство», а «труд», наверное, так же «увесисто» рассуждают о своем деле лесорубы и горняки. Мы, сидящие в зале, завороженные происходящим на сцене, не задумываемся над тем, что эти люди, будто парящие над сценой, такие невесомые, как звуки музыки, с которыми воедино сливаются движения их тел, сейчас не просто танцуют, озаренные вдохновением, но работают. Да еще как! Изящество, легкость, красота, невесомость... За всем этим в неразрывном единстве и вдохновение, и талант, и чувство прекрасного, и многолетняя выучка, и тяжелый физический труд. Был я в репетиционном зале, где занимается Максимова. Каждый день ровно в одиннадцать утра к этим поручням у стены — станку — вместе с другими приходит Екатерина Максимова. Начинается обязательный «класс» --- и раз... и два... Движение рукой, движение ногой... Что бы там ни случилось накануне — спектакль ли трудный, затянувшаяся репетиция, неприятность, возвращение из дальнего пути — все равно в одиннадцать — класс. Никакой поблажки себе! «Я всегда удивлялась, откуда в этой хрупкой маленькой женщине такая железная воля к труду,— говорит Савина.— А труд мы с Катей познали рано, с десяти лет. Наши сверстники из соседней школы

после занятий во двор бегут, а мы к станку. В десять лет у нас с Катей окончилось детство».

Я видел альбом с фотографиями Максимовой. Вот Катя совсем малышка. Вот в первом классе обычной школы. Еще один снимок: худенькая девочка в балетной пачке делает первые шаги. И в десять ее лет видишь совершенство фигуры. Уланова говорила, что у Максимовой идеальные пропорции для балета. Перебираю фотографии балерины с ее раннего детства до сегодняшних дней — почти каждая вспыхивает неповторимой Катиной улыбкой. Эта улыбка почти не меняется с годами — все такая же детски простодушная, искренняя, как бы рожденная в неизменном удивлении перед миром.

Наверное, не только в железной воле к труду, но и в искренности и полноте чувств в отношении к действительности одна из причин возвышения ее дарования. Трудно назвать необходимые составные компоненты, создающие мастера, но сама Максимова считает, что для нее, как для человека и художника, не мыслится ни жизнь, ни творчество без общения с природой. Каждый год в летний отпуск не на курорты, не на приморские пляжи, не в горные долины — в костромскую глубинку, к лесам и полям. Однажды Максимова призналась, что, если бы не слышала тишины леса, не знала бы его запахов, вряд ли бы сумела по-настоящему полно создать на сцене образы Джулietты или Жизели, Одиллии или Маши из «Щелкунчика». Друзья Максимовой рассказывали, как однажды веселой гурьбой отправились в лес по грибы. В условленный час все собрались в одном месте, а Кати нет. Встревожились. Кричали — не отвечает. Не скоро и отыскали — сидит на опушке, как васнецовская Аленушка, и плачет. А вокруг нее, будто на параде, десятка два крепышей-боровиков. «Видели ли вы такое чудо?» — Катя показала на грибы. «Но почему же ты плачешь?» Она кулаком вытерла слезы: «Не хочется уезжать...»

Уланова, рассказывая мне о своей ученице, давала характеристику: «Самобытна, ни под кого не поддается, в ролях идет от собственного жизненного опыта». И раза два подчеркнула: «Минувшие пятнадцать лет для Максимовой — это непрерывная цепь преодоления огромных трудностей».

Огромных? Немного неожиданно было слышать такое. В эту минуту я вспомнил разложенные на столе кипы газетных и журнальных вырезок за много лет. О Мак-

симовой — только с хвалой! Уже с первых шагов талантливой девочки на сцене. Значит, повезло в жизни. Повезло прежде всего потому, что встретились люди, которые заметили и поддержали дарование. Однажды на улице вдруг остановился пожилой человек, внимательно понаблюдал, как преисполненная радости жизни худенькая девчурка прыгает на асфальте, словно хочет полететь. «Эту девочку обязательно нужно отдать в балет!» — сказал незнакомец. Как знать, может быть, эта встреча определила Катину судьбу? Но летать совсем непросто. Нужно не только собственное желание. Должен кто-то научить. Их оказалось немало, кто протянул руку поддержки.

Конечно, Максимовой повезло в человеческом участии. Может быть, потому-то и был столь скор и высок ее творческий взлет. В 1957 году на Всесоюзном конкурсе балета первое место. А ведь Катя Максимова еще только ученица балетного училища. Из училища — в Большой театр, да сразу на сольные выступления. Ее имя в афишах «Щелкунчика», «Шопенианы», «Каменного цветка». Гастроли в США — о Максимовой пишут как о восходящей звезде первой величины. Только-только вышла из подросткового возраста и вдруг такое! Баловень судьбы! Все есть — молодость, красота, талант, известность, популярность... Могла бы и зазнаться. Нет, не могла! Таков характер: любит работать. Может быть, не только талант, но именно эта черта характера Максимовой и привлекла Уланову. Однажды она сказала: «Теперь, Катя, мы будем работать вместе». Это было не просто удачей — счастьем. В судьбу молодой балерины пришел великий мастер. А это значит, вместе с ним пришел еще более радостный и в то же время еще более тяжкий труд. Поначалу в самом деле им двоим было не так-то просто. Казалось Максимовой, что никаких успехов в прошлом, что начинает с нуля. В труде Уланова беспощадна и к себе, и к другим. «Работать — так работать». Иначе она не стала бы Улановой.

Конечно, грустно отдавать свои любимые роли. Но ведь если отдаешь самое лучшее тому, в кого веришь, кого с убеждением выбираешь в преемники своего мастерства, значит, встанешь над временем. «Жизель» была первая по-настоящему крупная творческая работа Максимовой, ее первая работа с Улановой. И вот настал день, когда в программе «Жизели» было напечатано: «Макси-

мова». Успех был полным. Трудно сказать, кто был больше счастлив: ученица или учитель. Их упорный совместный труд принес победу обеим.

Но Максимова как балерина не стала покорным подражателем своей выдающейся наставницы. Уланова рассказывала: «У Кати есть такое, что принадлежит только ей. Она актриса большого диапазона. Ведь почти весь репертуар Большого театра — Максимовой». Было время, когда о Максимовой говорили: «Лирическая танцовщица, прямая наследница Улановой». Оказывается, не столь уж прямая. Вдруг совсем не улановский Дон-Кихот. И с блеском! Раскрылись новые грани таланта, возможности выступать в разных жанрах.

И вот настал день, когда Уланова отдала своей ученице самое сокровенное — Джельютту, выстраданный, выверенный в каждом движении образ, вершина ее мастерства. Долго не решалась. Справится ли? Станет ли на сцене именно такой Джельюттой, чтобы зал замер в изумлении перед величием, чистотой и красотой любви?

Максимова и Васильев бережно хранят подарок Улановой: вырезанную из кости сценку встречи Ромео и Джельютты с надписью на подставке, сделанной рукой Улановой: «Кате и Володе. Я отдала вам все, что имела». Она подарила его в тот вечер, когда окончилась премьера.

ДЕРЗАНИЕ

... На выступление сорок минут. В них нужно вложить все самое главное за сорок семь прожитых лет — от первых прочитанных в букваре слов до вот этих карт и схем, которые сейчас на щитах за его спиной. В этих сорока минутах — бессонные ночи и горы засыпанной цифрами бумаги, белое безмолвие Антарктиды и изнуряющий зной тропического океана, в них думы, сомнения, споры, разочарования и великое счастье творчества.

Сейчас здесь защищается не право называться доктором наук, защищаются, прежде всего, идеи, которыми живет этот человек. Доктором Олег Петрович Сорохтин мог бы стать еще лет семь назад. Он был создателем системы автоматизированного сбора и обработки геофизической информации на базе современной вычислительной техники. По мнению специалистов, почти готовая докторская. Надо было только взяться.

Но взяться он не захотел. На докторскую по вычислительной технике жалко было тратить время. Другие идеи, другие мечты все больше овладевали ученым. На его письменном столе появились географические и геологические карты. Запустив руку в густую шевелюру, он вглядывался в карты и думал о судьбах планеты: почему движутся материки, как рождались океаны, какова природа землетрясений? Думы о планете Земля были его «хобби», вне рабочим увлечением, как он говорил, «тайной страстью».

...Строгие колонны старинного зала, строгий темный костюм доктора в резком контрасте с его отливающей серебром породистой головой, судейски непроницаемые лица председателя ученого совета и секретаря, сидящих на сцене за столом. Обстановка защиты академична, даже сурьма. Кажется, что сейчас действительно решается судьба всей планеты.

Актовый зал переполнен, в рядах ни одного свободного места, стоят вдоль стен, сидят на подоконниках, тесно толпятся у дверей. Не поместившиеся в зале толкуются в вестибюле, на окне поставили репродуктор — идет прямая трансляция защиты из зала. Много знакомых — плавали вместе в океане, работали в Антарктиде. Не только геофизики — биологи, инженеры, моряки. Пришли просто «поболеть».

Говорят, давно в актовом зале Института океанологии на защите не собиралось столько слушателей. Привлекла необычность темы, ее масштабность, смелость или, как заметил в шутку один из членов ученого совета, «отвага, граничащая с безрассудством». «Надо же,— с изумлением говорит кто-то,— решил! Решился все-таки наш Сорохтин. Отважиться поднять руку на такое!!»

А я не удивляюсь. Так случилось, что судьба дважды сводила меня с Сорохтиным в совместном далеком пути. Тринадцать лет назад летели в одном самолете, который прокладывал трассу из Москвы в Мирный, что в Антарктиде. Именно там, в Антарктиде, я впервые увидел в Олеге Сорохтине те черты, которые и делали его настоящим ученым. Отказывал себе во всех и без того скучных антарктических развлечениях, чтобы сэкономить минуты для исследований, которыми в то время увлекался. Забывая обо всем на свете, долгими часами просиживал в погребенном под снегом домике и изводил бумагу та-

иинственными и непонятными мне вычислениями. Но наступал трудный час, и он уходил из дома в белый мрак антарктической пурги, чтобы прийти на выручку терпящим бедствие.

Олег Сорохтин никогда не был кабинетным ученым. Географические карты изучил не только глазом, он их «выходил». Еще школьником вместе с родителями участвовал в Эльбрусской экспедиции — вел метеорологические наблюдения. В 1942 году пятнадцатилетним подростком шагал по кручам Сихотэ-Алиня в экспедиции. Потом экспедиции стали привычными: озеро Иссык-Куль, Туркмения, Восточный Казахстан, река Белая, Куйбышевская ГЭС... Трижды был в Антарктиде. Вместе с пятнадцатью отважными впервые в истории достиг Полюса недоступности, за что был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Участвовал в нескольких морских научных экспедициях. И вот три года назад оказался моим соседом по каюте на научно-исследовательском судне «Витязь» в дальнем плавании по тихookeанским широтам. Возглавлял один из научных отрядов, в пиковые дни главных исследований спал по три часа в сутки. Эксперименты по изучению верхней мантии Земли, которые проводил «Витязь», дали Сорохтину новый материал для размышлений. В свободное от вахт время лежал на койке, смотрел в потолок и «думал». Или исписывал кипы бумаги, бросая на нее торопливыми пригоршнями цифры. На «Витязе» у него окончательно окрепла уверенность, что он может создать единую концепцию тектонической жизни планеты, что уже близок к ней. В этом все больше убеждали беседы с научными единомышленниками на «Витязе», встречи во время плавания с крупными учеными США, Японии, Австралии.

Однажды на традиционном семинаре в кают-компании он отважился впервые обнародовать некоторые результаты своих раздумий и расчетов. Перед ним сидели доктора и кандидаты наук, профессора и даже академик. Научная схватка шла три часа. Духота в кают-компании загустела, как глина: у Сорохтина рубашка прилипла к спине. Отстоял ли свою концепцию? Наверное, не полностью. «Били» его крепко. Возвратившись в каюту, сказал в задумчивости: «Не на все я сегодня смог ответить. Есть в концепции слабые места...» Обернулся ко мне: «Осталась ли еще чистая бумага?» И уже до глубокой

ночи снова изводил лист за листом бумагу, последнюю из моего запаса.

Чтобы доказать правоту, ему предстояло выдержать еще немало схваток. Он уже не позволял себе потратить даже день на отдых или развлечения. Весь досуг — работа. Новые отечественные и зарубежные книги, расчеты, схемы, карты, споры с коллегами — единомышленниками и противниками. Работа над концепцией требовала самых глубоких знаний физики, геологии и геохимии — он взялся досконально овладеть этими науками.

Кое-кто посмеивался: «Ишь ты, на всю Землю замахнулся!» Считали чудаком и фантазером. Некоторые выслушивали его со снисходительной улыбкой: не много ли берет на себя этот человек, хотя и рано поседевший, но еще достаточно молодой для такой глобальной концепции.

Наука давно испытывала необходимость в обобщении накопленных в последние десятилетия данных и представлений по вопросам глобальной геологии, в создании единой концепции планетарной эволюции Земли. Раз концепции такой нет, кто-то ее должен создать первым. А почему бы не Сорохтин? В этом сдержанном, скромном, немного старомодном и в облике, и в манерах человеке были дерзость и азарт борца. Он решил испытать судьбу.

В чем сущность его концепции? Сорохтин один из первых высказал мысль, что в геологической эволюции Земли ведущая роль принадлежит процессу образования и росту земного ядра, сделал количественный расчет этого процесса и сопутствующих явлений. Это позволило ученым разработать механизм развития Земли в целом и отдельных ее частей — от ядра до литосферы.

... И вот настало это испытание. В зале не только научные единомышленники Сорохтина, но и его научные противники. Сам пригласил. В числе оппонентов — крупный ученый, который по некоторым принципиальным вопросам диссертации придерживается прямо противоположных взглядов. Значит, в зале сейчас не просто защищена диссертация с расчетом на благополучный исход, а значит, и почетный докторский диплом, здесь прежде всего столкновение научных взглядов.

Глаза под стеклами очков ярко поблескивают, говорит громко, и слова его разгорячены задором и вдохновением. Наверное, поэты не воспевают с такой любовью

цветы и березы, как Сорохтин свои «геосинклинали» и «протрузии». Он непременно должен убедить. Нет, не в том, что заслуживает докторской диссертации. Убедить, что его концепция достойна внимания.

Мы волнуемся. Чем все кончится? Оппоненты не глядят по шерстке: «Это положение бездоказательно...», «с подобным утверждением трудно согласиться». Но хотя таких «но» немало — трудно предположить, что в столь объемной работе не найдется уязвимых мест,— все выступающие в заключение произносят слова, от которых светлеют лица у многочисленных друзей диссертанта... «Работа весьма значительна», «считаю, что этот труд стоит десяти докторских диссертаций»... И более осторожно, но тоже одобрительно: «Эту концепцию можно считать вполне возможной для объяснения геологической истории планеты». Оппоненты — ученые крупные, с именами, они далеки от намерения польстить соискателю. Раз столь высоко оценивают диссертацию, значит, она стоит того. «Диссертация Олега Петровича делает честь отечественной науке». Это сказал перед голосованием председатель ученого совета.

...В перерыве горячо обсуждают диссертацию. Инженер, специалист по морской разведке нефти, говорит: «Нам давно в практической работе нужны были отправные теоретические точки. Теперь сможем опираться на концепцию Сорохтина». Фундаментальные исследования порой считают далекими от потребностей дня, а они далеко не всегда разделены с практикой пропастью. В наше время теория может легко сменить академическую тогу на рабочую спецовку. Несколько лет назад, основываясь на своих глобальных построениях, Сорохтин рассчитал возможность присутствия нефти в одном из районов, который не считался перспективным на нефть. Недавно в этом районе нефть обнаружена. Исходя из теории движения литосферных плит, Сорохтин сделал расчет механизма образования нефти в определенных зонах земной коры. Значит, можно прогнозировать перспективные территории для поисков нефти и газа?

После перерыва объявляют результаты голосования. Ученый совет в полном составе — «за»: кандидат наук Сорохтин заслуживает ученой степени доктора. За вклад в науку, за беззаветность в стремлении к истине.

ИДУЩИЙ ПУТЬ ПРОХОДИТ

Закаты вызывают раздумья о жизни. Особенно те, что видятся с борта самолета. В кресле у окна сухонький бритоголовый старичок в тюбетейке. Он неотрывно смотрит в светлый круг иллюминатора, где садится солнце, губы шевелятся, на бронзовом лице застыло строго торжественное выражение — будто старик в храме. Солнце высвечивает трещины морщин на его лбу, и всем видно, какие они глубокие. Рядом со стариком его сын Камиль — так он нам представился. У Камиля тоже отливающая бронзой бритая голова, но на ней вместо тюбетейки модная шлапа. Камиль весел и разговорчив. Поясняет: летали в Москву «мир смотреть». Старику семьдесят пять. Шестьдесят из них на хлопке. «А вы знаете, что такое работать на хлопке? Взгляните на его руки». На подлокотнике кресла тяжело покоялась кисть стариковской руки — темная, шершавая, в трещинах, словно грубо вырезанная из старого дерева. «Он собрал за свою жизнь миллион тонн хлопка», — уверенено заявил Камиль, но тут же легко поправился: «Ну, если не миллион, то тысячу обязательно...» Поняв, что вызывает интерес сидящих рядом, продолжал: «У нас, узбеков, есть пословица: идущий путь проходит, сидящий землю протирает. Мой отец вдруг вспомнил эту мудрость и говорит: мол, наступило время повидать мир, он, мол, свое дело сделал, нужно взглянуть, что сделали другие. И потребовал, чтобы я его отвез в Москву и обязательно на самолете. Вот и побывали в Москве. Царь-пушку видели и в метро катались...» Старик смотрел в окно на уходящее солнце и сына не слушал.

Перед посадкой в Ташкенте по салону прошла стюардесса с подносом леденцов. Протянула поднос к старику. Тот осторожно взял конфету и с достоинством, с той серьезностью, с какой на Востоке принимают угождение, приложил руку к сердцу, чуть поклонился и произнес: «Худога шукур!» Девушка в ответ улыбалась и тоже склонила голову: «На здоровье!» Протягивая поднос следующему ряду, заметила вполголоса: «Вот у кого можно учиться вежливости — у узбекских стариков».

На ее синем форменном жакете я видел полоску муаровой ленточки. Потом узнал: получила медаль за мужество и выдержку. Это случилось несколько лет назад. Самолет пошел на вынужденную посадку и приземлялся на

одно шасси. Девушка сумела погасить среди пассажиров панику, удержать людей на местах. «Не боитесь с тех пор летать?» Она рассмеялась: «Если всем бояться, то кто же будет в самолетах угождать конфетами пассажиров?»

...Вот и Ташкент. Давно не бывал в этом городе. Утром другого дня пошел бродить. Центра не узнал. Заново отстроен после землетрясения. Исчезла навсегда та памятная мне уличка с серыми стенами дувалов, забранных густой сетью ветвей дикого винограда, с длинными жаркими тенями чинар на булыжной мостовой, с грустными собаками, выглядывающими из подворотен.

С этой улицы мой дядя когда-то начал знакомить меня с традиционным Ташкентом. Он тогда был полон сил, задорно поблескивал очками, горячо говорил: «Запомни! детали! Видишь, какие чистые у узбеков дворы?» Бритоголовый, в тюбетейке стариk — как тот в самолете — крикнул вдруг из-под чинары: «Путники! Выпейте с нами чаю». Нам очень понравилось, что нас назвали «путниками». Вместе со стариком мы пили из глубоких пиал духовитый зеленый чай, который мне казался в этот жаркий час самым прекрасным на свете напитком.

...Над городом высокий купол золотисто-голубого южного неба. И легкие облака в нем, которые плывут в Индию. Такого красивого моста еще не было здесь в тот год. Но была все та же река, и те же свечи пирамидальных тополей, и та же манящая глубина неба. Федор Федорович сорвал под ногой травинку, прикусил задумчиво: «...А сейчас в Москве уже зима... и снег пушистый...» В голосе его прозвучала грусть. Помолчал. Вдруг откинулся голову: «Красивое здесь небо. Особый цвет у него — южный». И мягко улыбнулся: «Знаешь, за все эти годы я еще ни разу не пожалел, что связал свою судьбу с этой землей. Наверное, был я ей нужен». Он, Федор Федорович Детенгоф, мой дядя, двоюродный брат отца, вступил на эту землю впервые тридцать пять лет назад — прислали из Москвы «для оказания помощи в подготовке национальных медицинских кадров». Был он молод и полон надежд свершить в жизни свое главное.

...В институте в черной рамке его портрет. И еще совсем свежие цветы у портрета. Продолговатое лицо, за стеклами очков нездешние светлые, строго сосредоточенные «профессорские» глаза. Его называли «устоз», что значит по-узбекски учитель, а вернее, старший мастер.

Среди его учеников — доктора и кандидаты наук, профессора, доценты, большой научный коллектив, им созданный за долгие годы. Значит, прав был — нужным оказался этой земле, которая так далеко от его родной Москвы. Далеко ли? Молодые в песнях поют, что для всех нас она близкая.

Нет сейчас той улочки, по которой водил меня дядя. Зато вскинулся над городом — как раз на том месте — железобетонный хребет нового жилого массива, и в густой его тени прохладно, как в горном ущелье. Дома обликом незаурядны, есть на что посмотреть и полюбоваться — в них и эстетика современной архитектуры, и детали, подсказанные местным вкусом, и особенностями климата. Кто строил? Ташкентцы? Или их друзья? Вспомнилось: ехал как-то поездом из Минска. На соседнем вагоне алело полотнище: «Минск — Ташкенту». Во время остановок над перронами звенело:

До Ташкента путь из Минска
Нам, веселым, станет близким...

Где они, эти веселые? Какую память о себе оставили в Ташкенте? Может быть, именно они и строили этот дом? Или трибуны этого стадиона? Или легкую, изящную арку вон того моста над рекой? Человек обязан оставлять после себя добрые следы — на земле ли, в сердце ли чьем. «Идущий путь проходит»... Идущим всегда есть на что оглянуться в своем пройденном пути.

ВСЕГДА КСТАТИ

Однажды детей пригласили в один клуб на новогоднюю елку. Многие пели, читали наизусть стихи. Снегурочка предложила прочитать стихи и одному мальчику. Это был хороший, славный мальчуган, но — вот беда — сильно заикался.

— У лукоморья дуб зеленый... — бодро начал он и тут же запнулся. Слово «златая» он так и не мог одолеть. Лицо мальчика перекосилось, глаза стали круглыми, как пуговицы. Слетали с его губ странные, не связанные между собой звуки. Кто-то из детей засмеялся, еще кто-то, еще... Засмеялась Снегурочка, и даже сам Дед-Мороз. У неудачливого чтеца из глаз брызнули слезы. И вот тогда подскочил к нему его друг, схватил за руку, в гневе топнул ногой и крикнул Снегурочеке и Деду-Морозу:

— Вы — плохие! Плохие! Вы не настоящие!
И тоже заплакал от обиды.
Обоих родители вынуждены были увести домой.
Бестактность...

«Как вы плохо выглядите! Уж не больны ли чем?» или «Что-то вы постарели за последнее время!» Частенько нам доводится быть свидетелями подобных восклицаний. Эти доброхоты, эти сочувствующие — неуютные в обществе люди, стороной их надо обходить. Вроде бы от души проявляют озабоченность вашим внешним видом, искренне сокрушаются. А нужна ли эта бесцеремонная искренность, особенно малознакомого человека, которая чаще всего проявляется походя, лишь бы при встрече что-то сказать, продемонстрировать к вам «внимание».

От подобного «внимания» у человека надолго портится настроение. Поселяется в душе тревога: а может быть, вправду я нездоров, раз уж посторонним в глаза бросается. И принимается здоровый человек выискивать в себе болезни, бежит к врачам. А услышит «постарел» — и руки опускаются, и жизненная стойкость теряется — горько ощущать приход старости. Особенно болезненна такая мысль для женщины.

Только близкий человек или тот, кто действительно встревожен чьим-либо внешним видом, имеет право сказать человеку правду во имя его же пользы и то достаточно деликатно. Да еще, разумеется, врач.

Бестактность — наглядное проявление примитивности натуры. Она не так уж редко в повседневной жизни портит нам настроение. Совершенно посторонний человек может бесцеремонно вмешаться в ваш разговор с приятелем в автобусе и вставить в него свое мнение. Хамоватый зритель крикнуть из зала на сцену артисту: «Громче! Не слышно!» Незадачливый гость никак не догадается, что давно пора прощаться, уходить восвояси, потому что хозяева явно устали. В поезде встретится этакий скучающий лицезрей, который от нечего делать примется в упор разглядывать сидящего на противоположной скамье. Поссорившиеся супруги считают возможным на людях громко «выяснить отношения», здоровяк — кровь с молоком — вдруг начинает хвалиться своим здоровьем перед слабым и хворым человеком...

За всем этим стоит одно и то же — невоспитанность, а стало быть, неуважение к человеку — вольное или не-

вольное. Никогда не забуду сцену, которая произошла однажды поздним вечером на стоянке такси. Вместе с весьма пожилым человеком я стоял в очереди в ожидании машины. Наконец, подошла и наша машина. Шофер не очень был доволен тем, что везти нас нужно за окраину города. Бросив взгляд на моего спутника, со вздохом сказал: «Ну что ты, дед, по ночам таскаешься? Сидел бы себе дома, «Вечерку» почтывал, в лото играл бы со своей старухой. Только путаешься в ногах у молодых. Толку-то от тебя сейчас никакого!» Говорил это шофер не зло, даже с некоторым добродушием, вроде бы уверял. Знать бы шоферу, что перед ним — ученый с мировым именем, гордость Отечества, и возвращался он из своего института, где завершил крупный и важный научный опыт, о котором немало писали в газетах.

Бесцеремонное вторжение в личность другого даже из самых лучших чувств и добрых намерений — это и есть бес tactность. Порой бывает, что на собрании публично обсуждается моральный проступок члена коллектива. Вот где нужен особый тakt, если дело касается семейных или исключительно интимных отношений. Старая мудрость гласит: «Прежде чем обвинить, постарайся найти оправдание». Грозный разнос, нездоровый интерес к «подробностям», выставление на всеобщее обозрение чужих сокровенных тайн не помогают провинившемуся осознать свой проступок, а унижают, оскорбляют его, вызывают вражду и протест. Помню случай, как после такого насилиственного «морального стриптиза» на заводском профсоюзном собрании человека отправили в больницу.

Знакомый писатель рассказывал мне, что в детстве его потряс один случай. Отец повел сына к себе на работу, чтобы познакомить с заводом. И вдруг встретился заводской начальник и принял распекать отца за какие-то несделанные дела. Отец мучительно покраснел, выглядел несчастным и униженным, но не в силах был в ответ сказать ни слова. Ему мучительно было стыдно перед сыном. На мальчика эта сцена произвела такое неизгладимое впечатление, что он поклялся себе за отца отомстить. И когда вырос и стал писателем, то многие его произведения были направлены в защиту достоинства человека — против грубости, черствости, хамства и бес tactности.

В Толковом словаре Даля сказано: «Такт — это уме-

ние сказать или сделать что кстати». Поразительно точное выражение: «что кстати». А иногда и не сказать, и не сделать — просто что-то обойти молчанием, что-то «не заметить» — опять же ради уважения к человеку. Такт — в конечном счете душевная утонченность, основанная на доброте и уважении к достоинству другого. А уважение к достоинству человека всегда кстати.

ВЕРНЫЙ ДИАГНОЗ

— Сожалею, что поезка к нам получилась впустую,— сказал судья Николаева.— Ничего интересного предложить сегодня вам не сможем.

Она полистала листки в раскрытой перед ней папке.

— Вот через час будем слушать... Но стоит ли вам тратить время? Рядовое дело. Обычное рукоприкладство. Впрочем, если хотите...

* * *

«Подсудимый, встаньте!»

Парень недоуменно смотрит на судью, переводит взгляд на зал, где сидят его родители и товарищи — не понимает, к кому обращается судья. Николаева, выдержав короткую паузу, спокойно повторяет: «Подсудимый Жилин, встаньте!»

Борис торопливо вскакивает, он нелепо долговяз — под два метра, — длиннорук, узкоплеч, на вытянутой тонкой шее маленькая голова с мальчишески оттопыренными ушами. Ему недавно исполнилось шестнадцать. С растерянно виноватым видом глядит на судью, и кажется, будто не судья, а учитель застал его врасплох на уроке неожиданным вопросом.

Подсудимый... Еще вчера назывался учеником. Бессстрастно уважительное «вы» в обращении судьи, «Борис Степанович» в судебных документах... Не просто Борька Жилин из десятого «Б», а граждански ответственное лицо, с которого спрос по всей строгости закона.

— Признаете себя виновным?

— Я?

— Разумеется, вы.

— Да... — не произносит, а вроде бы выдавливает из себя.

Бросает торопливый, полный отчаяния взгляд в зал,

отыскивает лицо матери и, словно получив в нем поддержку, уже громко, отчетливо, как заранее заученное, выпаливает:

— Я виноват. Извиняюсь. Я совершил нехороший проступок...

— Проступок?

Лидия Федоровна Николаева, участковый судья — худенькая темноволосая женщина, похожая больше на замотанную делами домашнюю хозяйку, чем на олицетворение закона. У нее усталое лицо — это третье дело за день.

— Нет, подсудимый Жилин, не проступок, а *преступление*, и судим мы вас по статье уголовного кодекса.

Голос у Николаевой, судя по всему, от природы негромкий, мягкий, но сейчас в нем холодная четкость, ясность звучания каждого слога, та определенность настроения, которое ощутимо в этом зале в каждой детали: в барьеере, отделяющем скамью подсудимых, в гербах на высоких спинках судейских кресел, в милицейской фуражке у двери... Здесь не журят, не увещевают — судят.

Я гляжу на родителей Жилина, что сидят на второй скамье. При слове «преступление» мать вскидывает голову, ее полные плечи опускаются, но не безвольно, а в напряжении, кажется, вот-вот в слепом порыве ринется на выручку сына, которому за преступление грозит наказание. Рядом с ней Жилин-старший: плоский, стриженный до белизны затылок, на маленькой голове волосы жестким ежиком, огромные, чуть ли не с голову, тяжелые кулаки лежат на спинке передней скамьи. Жилин-отец — сменный мастер инструментального завода, мать — кассирша в магазине. Рядовая семья. Единственный сын. Обычный подросток...

Впрочем, не совсем так. Выделяется подросток этот среди других — и не только ростом. Речь адвоката оснащена ворохом «положительных» характеристик: из школы, от соседей по дому, от бригадира подмосковного колхоза, где Жилин был в летнем трудовом лагере, от спортивного клуба. Отдельно — от довольно известного в стране спортсмена, который «лично знаком с Жилиным больше года...».

Выслушивая одну за другой хвалу характеристик, Николаева чуть заметно кивает головой — вроде бы и не ожидала ничего иного, вроде бы согласна все учесть, принять без всяких сомнений, мол, ясно, парень положитель-

ный, оступился случайно, но на ее полных губах пропасть паляет едва заметная ироническая улыбка. «Вот, оказывается, какой образцово-показательный подсудимый Жилин. Не судить — грамоту вручать нужно», — говорит она.

При этих словах Жилин еще ниже опускает голову. В такой позе он в течение всего заседания. Если и вскидывает порой лицо, обращая его к залу, то лишь на мгновение, глаза его при этом становятся суевидными, тревожными, не решаются встретиться с кем-либо прямым взглядом, особенно с человеком, который сидит на первой скамье.

Человек немолод, сед, на худых плечах висит просторный, не по размеру, старый пиджачишко, на нем потерявшие блеск три военные медали: две бронзовые и одна серебряная — «За отвагу». В суде потерпевший явно впервые — растерян, обескуражен, даже вроде бы огорчен тем, что все здесь происходящее в конечном счете из-за него. Покашливая в смущении, рассказывает:

— Надо же... на войне почти с первого дня... Все на передовой. До Победы дожил. Ни разу даже не царапнуло. Смешно, правда? А сейчас, на тебе, в праздник фронтовой... и ранение. Ссадина пустяковая, а кровь хлестнула так, что подумал всю голову оторвало... Испугался!

Он широко улыбается бесчисленными морщинами лица — вроде бы не жалуется, а извиняется за этакую нелепицу... Шел по улице, у пивного ларька стояли с кружками два парня. Один из них пустил на всю улицу грязное слово. «Ну я ему: ты, мол, уважение к людям имей. Что грязью-то плюешься? Вон женщины идут. Тем паче праздник нынче». А он меня за грудки: уважения захотел? Пожалуйста! И кружкой по голове».

...Вялый скошенный подбородок, безвольно оттопыренная нижняя губа. На вид — тихоня. Краснеть еще не разучился — уши того гляди задымятся. Вся его скорчившаяся за барьером долговязая фигура свидетельствует о полной беспомощности перед тем, что сейчас происходит. Не похож на хулигана Жилин. Да и характеристики...

Наверное, все в характеристиках правильно. И с соседями по дому первым здоровается, и в классе — лучший математик, и мяч забросит с завидной точностью — назван кандидатом в сборную баскетбольную общества.

Все так... И вдруг пивной кружкой человека по голове. Не
шалость, не проступок — преступление.

— Вы уж, пожалуйста, Лидия Федоровна, не отправ-
ляйте Борю в колонию. Он исправится, обещаем вам, Лидия Федоровна! — голос у Жилиной-матери полон
мольбы. Но вот она обращает лицо в сторону, где сидит
ее сын, и голос резко меняет окраску — в нем угроза: —
Отец с него, мерзавца, теперь три шкуры спустит. Возь-
мет его в руки! Будьте спокойны! Мы из него сделаем
человека!

Жилиной сейчас не положено высказываться, только
отвечать на вопросы, но Николаева ее не перебивает. От
круглого раскрасневшегося лица Жилиной судья перево-
дит взгляд на ее мужа, на жесткий, как щетка, бобрик
на его голове, на выставленные вперед кулаки, потом на
понурые плечи подсудимого... Минуту задумчиво молчит.
Кожа на лбу судьи собралась складками, в неподвижных
поостревших глазах холодное внимание. Похожа на вра-
ча, который, выслушивая симптомы болезни, в нетерпе-
ливом размышлении стремится поставить верный диаг-
ноз.

— Скажите, гражданка Жилина, в вашей семье сына
в детстве физически наказывали?

— Как? Как? Не понимаю...

— Ну, били его за разные проступки?

Жилина радостно кивает:

— А как же! Бывало! Получал от отца. Хорошо по-
лучал. Воспитывали не хуже других. В строгости держим — не думайте! — и, понизив голос, доверительно,
словно не к суду, а во дворе к соседке: — Разве без этого
с ними можно? Только и слышишь повсюду: молодежь
надо держать в руках. А то ведь невесть кем вырастут.

— Вот он у вас и вырос! — неприязненно бросает си-
дящий рядом с Николаевой пожилой мужчина — народ-
ный заседатель.

Жилина вздыхает:

— Ума не приложим, как такое случилось. Мы ведь
его тихим воспитывали — чтоб ни-ни! От пива, должно
быть...

Николаева медленно качает головой, в ее голосе уста-
лость и печаль.

— Нет, не от пива. Судя по всему, ваш «тихий» сын
просто представления не имеет, что такое человеческое
достоинство.

Жилина, раскыв рот, недоуменно смотрит на Николаеву, на народных заседателей:

— Не понимаю вас, Лидия Федоровна... Может, подскажете что, вразумите... О чём вы?

Брови у судьи впервые недовольно сдвигаются:

— Гражданка Жилина, я здесь для вас не Лидия Федоровна, а председатель суда. И педагогические советы в этом зале мы не даем. Вам должны были их давать те, кто писал подсудимому похвальные характеристики. А сейчас уже поздно.

— Поздно? — выдыхает в ужасе Жилина.

— Поздно!

В перерыве перед вынесением приговора толкутся в коридоре. Мать Жилина охотно рассказывает какой-то празднолюбопытствующей старухе:

— ...Ну, значит, и стукнул он этого. Никчемный мужичишко. И до того вроде бы стукнутым был. Ну, поцарапал его Борис чуток. Ничего страшного. Так моего дурачка прямиком по уголовной статье, как бандита. Представляете? Судья — змея. С подковыркой. Надсмеялась на суде. Господи, неужто посадит? Он же по молодости, по неразумению. Пива хлебнул, дурь-то и ударила в голову. Еще ребенок...

В ответ на последнее в толпе молодежи раздается смех.

— Мам, хватит! — тоскливо обрывает ее Борис, губы его дрожат, кажется, вот-вот или заплачет, или выругается.

— Молчи, паразит!

...После перерыва — приговор. «Встать! Суд идет!» Жилин еле поднимается на своих ногах-ходулях, плечи обвисли, подбородок почти лежит на груди. В его унылой, безвольной фигуре покорность и безразличие — кажется, вст-вот развалится по частям. Он не поднимает головы даже тогда, когда Николаева, зачитывая текст приговора, произносит решающую фразу, в которой слово «условно» ломает окаменевшее в страхе лицо его матери беззвучным радостным криком: не посадят!

Из здания суда мыходим вместе с Николаевой. Впереди нас в потоке пешеходов идут Жилины. По одну сторону шагает, щетинясь бобриком, невысокий коренастый Жилин-отец, по другую его ширококостная, полнеющая жена. А осужденный, нелепо возвышаясь над родителями, в такт шагу уныло поклевывает острым носом

воздух; издали он похож на большую нескладную птицу, которую взяли в плен.

— Повели на расправу,— говорит Николаева и после недолгой паузы задумчиво добавляет:— Первоначина большинства преступлений — неуважение к человеку.

Я временами бросаю взгляд на спины идущих впереди Жилиных. По вздрагивающим плечам Жилиной-матери, по выразительным взмахам ее руки ясно, что «воспитание» продолжается. Из-за городского шума голоса ее не слышно. Вдруг до нас долетает отчаянный собачий визг. Бродячая собачонка подвернулась под ногу Жилину-младшему, и он в злобном бессилии жестоким пинком отшвырнул ее в сторону.

ОДНАЖДЫ НА БЕРЕГУ РЕКИ...

Утром дождь кончился. Тучи, обессилев, лениво убрались за Волгу, но над рекой до самого горизонта еще долго клубились облака тумана, и с высокого берега казалось, что внизу небо. Потом солнце стерло с реки туман, будто сырость с запотевшего стекла.

Я спустился к воде. На бетонном скате набережной километра на два сидели и стояли люди. Набережная щетинилась удочками, фигуры рыболовов стыли в неподвижности, и только поплавки подрагивали на волнах.

Я сел на скамью. Внизу, в нескольких шагах от меня, рыбачили двое. Я видел только их спины. Один был мужчина в соломенной шляпе и военном френче без погон, другой — белоголовый мальчик лет девяти. Оба сидели, почти не двигаясь, лишь иногда вполголоса перебрасывались короткими фразами.

— Не везет нам с тобой, брат! — сказал старший, вытаскивая из пачки папиросу. Папироса была последней: он смял пачку, хотел бросить в сторону, но раздумал, сунул в карман.

— Не везет,— согласился мальчик и, помолчав, добавил серьезно:— Поздно пришли...

— Поздновато. Но ведь ты сам же понимаешь, что нельзя было будить так рано мать. Пусть хоть в воскресенье поспит подольше.

Мальчик кивнул:

— Я понимаю..

Оба опять замолчали,

Подошла немолодая женщина, села рядом. Вынула из лукошка огурец, обтерла ладонью и принялась неторопливо есть. Съела, достала другой... Огурцы звонко похрустывали, огрызки она выплевывала прямо на тротуар. С бесцеремонным любопытством оглядела меня, рыболовов.

— Делать людям нечего! На пустяки время тратят. Хотя бы путному чему научили парня.

Мужчина вдруг встал, стряхнул с брюк пыль.

— Пойду-ка куплю папирос...

— Давай я сбегаю.

— Сиди, я сам.

И пошел вдоль набережной.

Мальчик уселся поудобней, выставил в стороны худые локти и застыл в напряженной позе, озабоченный ответственностью за оба поплавка.

По набережной бегала собачонка, лохматая, словно игрушечная — одно ухо вверх парусом, другое лихо назад, на ошейнике оборванная веревка. Видно, удрала откуда-то. Пушистым комком весело каталась по бетону, заигрывая с прохожими, обнюхивала рыболовов.

Подбежала к нам. Лизнула огуречные огрызки на тротуаре — не понравились. Сунулась к мальчику, ткнулась мокрым носом в банку с червями. Мальчик косо взглянул на гостью, сказал строго:

— Не мешай!

И мохнатый комок послушно покатился дальше.

И вдруг мы услышали отчаянный собачий визг. Два парня в распахнутых пиджаках ловили собаку. Загнали под соседнюю скамейку, схватили за ошейник, потащили по бетонному скату к воде. Собака задыхалась, цепляясь когтями за бетон...

— А ну-ка! Мокнем!

— Не хочет, стерва... — И пьяно ухмылялись.

Мальчишка вскочил. Глаза его метались. Он взглянул вдоль набережной, должно быть ища отца, потом на нас: на меня и женщину с огурцами, на военного, что проходил мимо.

— Что вы делаете! — крикнул я.

— Хулиганье, — возмутился военный. — Прекратите!

Парни, не обращая внимания на нас, подтащили собаку к берегу, со смехом швырнули в реку. Она скрылась под водой, тут же вынырнула, мордочка ее стала гладкой, остренькой, в зеленых глазах застыл ужас. Она

пыталась забраться на бетон и не могла: скат под водой зарос скользкими водорослями — лапам не за что было уцепиться.

Парни, покачиваясь, приплясывали и свистели.

И вдруг мальчишка метнулся к ним:

— Как вам не стыдно! Это же собака! Собака!

Наклоняясь над водой, протянул руку, пытаясь ухватить собаку за ошейник. Рука тянулась дальше, дальше и вдруг дрогнула, растопырились пальцы, ища опоры в воздухе, и в тот же миг мальчик очутился в воде. Соскользнул по скату в глубину, выплыл, широко взмахивая руками и крутя головой. Парни, военный и я бросились к воде. Когда мы вытащивали мальчишку, он за ошейник крепко держал собаку.

В мокрой одежде мальчик казался совсем худеньким и хрупким, посиневшие губы его дрожали. Один из парней снял пиджак, попытался набросить на плечи мальчика.

— Возьми, замерзнешь.

Тот враждебно отстранился.

— Не ушибся?

Он молчал и глядел на нас исподлобья.

Прибежал отец. Тяжело дышал, и даже загар не мог скрыть бледности на его щеках.

— Володя! Сынок! Что случилось? — спрашивал он, обнимая мальчика за плечи.

— Папа! Я спас собаку!

Мы пояснили:

— Вот эти двое столкнули собаку в воду, а он полез спасать.

Один из парней развел руками, сказал примирительно:

— Зря полез. Не стоило. Она бы и сама...

— Стоило! Стоило! — голос мальчишки вдруг задрожал от обиды, и он с гневом взглянул на парня.

— Успокойся, сынок! — ласково и серьезно сказал отец. — Ты у меня молодчина!

Он снял свой китель, набросил на плечи сына. Потом торопливо свернул удочки и кивнул сыну:

— Пойдем-ка. Надо нам с тобой, брат, обсушиться.

Они пошли к порту. Один положил руку на плечо другому, прижал к себе, оберегая от ветра.

Мы смотрели им вслед. Вдруг услышали огуречный хруст и тягучий голос:

— Ну и паша! Сыночка высечь надо, а он хвалит! Утонуть бы мог,— она выплюнула кожуру,— из-за паршивой собаки...

Один из парней с недоумением взглянул на тетку, словно впервые увидел, и сказал:

— Топала бы ты лучше, бабка, на рынок со своими огурцами!

Мы разошлись. Только огуречные огрызки да забытая рыболовная банка с червями остались возле того места, где человек совершил свой, может быть, первый подвиг в жизни.

«СПАСИБО»

В одной капиталистической стране я встретил бывшую москвичку. Несколько лет назад она вышла замуж за гражданина этой страны и покинула Родину. Поначалу на новом месте ей очень понравилось. Страна благополучная, неторопливая, спокойная. Да еще славилась своей вежливостью. Повсюду здесь улыбались друг другу, говорили приятные слова и за каждую, даже незначительную, услугу привыкли непременно благодарить.

Но бывшую москвичку ожидали невзгоды. Муж ее неожиданно лишился работы по специальности, появились денежные затруднения, да еще заболел ребенок. Женщина измучилась в поисках помощи и поддержки. К кому только не обращалась. Но всюду ей говорили очень вежливые слова и... разводили руками: ничем помочь не можем! Пришли на помощь сотрудники советского посольства, куда она решилась прийти. Помогли лекарствами для ребенка, устроили женщину на работу. Разве можно было отказать? Ведь — своя, землячка, хотя и покинула Родину. Женщина эта мне говорила:

— У нас на Родине мы не так уж часто благодарим друг друга. Все принимаем как должное. Мол, обязаны помочь. Такой образ нашей жизни: обязаны! А в этой стране никто никому не обязан. Каждый за себя. Только здесь я поняла, как много там, на Родине, есть такого, за что надо благодарить.

Действительно, все хорошее в нашей жизни мы принимаем как должное, потому что любое завоевание нашего общества — это достижение каждого из нас. Конечно, нам не пристало расшаркиваться перед самими собой.

Но доброжелательными друг к другу мы быть обязаны. А доброжелательность — это прежде всего вежливость.

Вспомним выражение Сервантеса: «Ничего не обходится нам так дешево и ничто не ценится так дорого, как вежливость». А уж слово «спасибо» произнести проще простого! Наше общество отличает дух коллективизма и товарищества, но ведь и среди товарищей слова благодарности ценятся не менее высоко. Они — свидетельство уважения друг к другу, уважения к труду. Ни в каком ином обществе труд не вознесен на такую нравственную высоту, как у нас. Поэтому мы и должны его высоко цениТЬ и находить для этого добрые слова.

Всегда ли находим такие слова? Официантка, которая тебя быстро и умело обслужила в столовой, выполняла свой профессиональный долг. Ее внимание не следует преувеличивать, ахать от восторгов. Но, уходя из кафе, не забудь о коротком слове «спасибо». Любому человеку приятно услышать — значит, труд оценили по достоинству.

Доброжелательность и вежливость окружающих создают у нас хорошее настроение, а оно и является стимулом для хороших поступков, для труда с полной отдачей. Сказать доброе слово — это не только сделать кому-то приятное, но и возвысить самого себя. Горькое сожаление вызывает человек, который скончан на благодарность, который становится немым, когда нужно произнести самое простое: «Спасибо!» О таком говорят: «необтесан», такого считают человеком дремучей натуры. «Человеческая воспитанность немыслима без человеческой благодарности», — писал замечательный советский педагог Сухомлинский.

Мой знакомый врач-хирург много сил и времени потратил на то, чтобы спасти больного, сделал сложнейшую операцию, потом ночами не спал, беспокоился за его жизнь. Когда спасенный уходил из больницы, он встретил в коридоре врача, но даже не догадался его поблагодарить, просто прошел мимо с непроницаемым лицом. Может быть, решил: «Зачем благодарить? Врач обязан. Ему за это деньги платят. Я вот на станке обтачиваю детали, меня же за это никто не благодарит».

«Есть ли что-нибудь чудовищнее неблагодарности человека?» — писал В. Шекспир. Неблагодарность действительно отвратительна, когда она проявляется в большом, и достойна сожаления, когда мы ее видим в малом. Да,

мы «обязаны» выполнять свой служебный долг честно и наилучшим образом. Но у каждого из нас есть и другая, самая главная обязанность: при всех обстоятельствах быть Человеком. А это значит, что доброта, внимательность, искренность других непременно должна в нас находить ответное чувство.

Однажды в Ленинграде мне довелось быть свидетелем вроде бы пустяковой, но выразительной сцены. В вагон трамвая вошла пожилая женщина. Мальчик лет четырнадцати ей тут же уступил место, сходил к кассе-автомату, чтобы опустить монету этой женщины и взять для нее билет. Все это было сделано с той естественностью, с которой человек поступает так, как привык поступать всегда. Женщина сказала: «Передай, пожалуйста, своим родителям спасибо за то, что они тебя хорошо воспитали». Эти слова были от имени всех нас: мы всегда должны быть благодарны каждому, кто создает доброе.

В нашем обществе с каждым годом возрастает требовательность к вежливости и вниманию. «Спасибо за внимание!» — говорят докладчики, закончив выступление. «Благодарим за покупку!» — провожают выходящего из магазина покупателя слова над выходом. «Спасибо за самоотверженный труд!» — приветствует рабочего плакат над воротами заводской проходной. Первое время у некоторых эти фразы вызывали недоумение: «Нужны ли подобные «словесные сладости»? Мы, мол, не в дворянских салонах! Мы — люди простые». Однажды продавщица в магазине даже возмутилась, когда я поблагодарил ее за отпущенный товар. «За что это спасибо? — подозрительно спросила она.— Я вам ничего больше положенного не сделала. Я — честный человек».

Пусть подобные случаи недоумения перед вежливостью становятся в нашей жизни все более редкими. Есть, правда, служба, кстати говоря, довольно нелегкая и напряженная, где не хотят выслушивать благодарности за труд. Это — «09» — городская телефонная справочная. Однажды я позвонил по этому номеру, и меня соединили со старшей дежурной по справочному бюро Москвы. Дежурная сказала, что сейчас почти каждый абонент старается поблагодарить телефонистку за справку. Невежливых абонентов становится все меньше. «Приятно, конечно, получать благодарность,— сказала дежурная.— Но ведь на это время уходит. Вот и получается странное: вежливость затрудняет нашу работу».

Но это, конечно, исключение. Мы можем только порадоваться, что в данном случае вежливости слишком много, что она даже создает трудности. Значит, в жизни она берет верх. Наверное, кроме «09» и других подобных «скорых» служб, вежливость помешать в труде никак не может. Наоборот, она верный пособник труду.

Так просто сказать «спасибо» любому, кто потрудился для тебя: продавцу, который быстро и сноровисто отпустил товар, шоферу такси, который в целости и сохранности доставил тебя до дома, актеру, который познакомил тебя со своим искусством, милиционеру, который остановил транспорт, чтобы ты спокойно перешел на другую сторону улицы. Коротенькое слово «спасибо!», но какое звонкое! Оно подобно золотой монете — всегда в цене, передается от одного к другому, но в отличие от золота от употребления не стирается и не тускнеет.

ВСЕ ОТДАНО ТЕБЕ!

Мы вошли в квартиру на цыпочках. Первым ее хозяин — Владимир Михайлов, прижимая к груди батон хлеба, бутылки молока и пакеты с продуктами, затем Борис Левинсон с огромной картонной коробкой в руках, я притворил дверь, стараясь не звякнуть запором. Хозяин предупредил: Соня спит!

Но за дверью спальни вдруг раздался тоненький Сонин голос. Нас обнаружили!

Соня стояла, крепко вцепившись в барьер кроватки. Нас, незнакомцев, она удостоила лишь коротким взглядом, Володе улыбнулась — отец! Левинсон снял с коробки крышку, извлек большую глазастую куклу и протянул Соне. Кукла оказалась ростом чуть ниже девочки.

— Здравствуй, Соня! — тихо сказал вдруг сразу же посеревневший Левинсон и поднял глаза на стену. Над кроватью ребенка висел большой портрет красивой темноволосой женщины.

Куклу поставили рядом с кроваткой в компанию других кукол — почти каждый, кто приходит в этот дом, неизменно приносит куклу. А Соне куклы не интересны. Она еще маленькая — всего год. Зато девочка всегда рада людям, которые приходят в этот дом. Взглянула на Левинсона и ему улыбнулась тоже.

— Приглашаем тебя в твой театр, Соня! — сказал ей Левинсон.

* * *

— Я ничего не знаю... — пробормотала сестра, поспешно отводя глаза,— с вами сейчас поговорит доктор.

Михайлов почувствовал, что у него сдавило грудь и послабело в коленях. Белый халат врача слепил, будто снег под солнцем. Врач что-то говорил, и губы его тоже казались белыми, как ледышки.

— ...А девочка жива-здорова. Крепенькая девочка...

Обхватив голову руками, Владимир опустился на лавку, стоящую у стены. Мир рушился.

Прошло несколько дней, и в той же комнате на его ладони осторожно положили маленький мягкий кулек, он откинулся на уголок простынки и вздрогнул от неожиданности — смотрели на Михаила глаза его жены.

Вышел за порог больницы. Был ясный и холодный день. Он покрепче прижал к груди кулек с крохотным тельцем дочери. Постоял минуту у подъезда, куда еще недавно входил вместе с женой. Вот, Соня, и сбылось твое заветное: появился на свет твой ребенок! А ты...

* * *

Впервые встретились они три года назад. Два одиночных, уже не столь молодых человека, у которых не сложилась жизнь. После первых часов знакомства с удивлением обнаружили, что вроде бы знают друг друга сто лет. О чем ни заговорят — все интересно. Почти во всем совпадение: байдарочники, туристы, любители детей, природы, классической музыки, театра...

Когда Владимир Михайлов пришел к Соне Зайковой в театр за кулисы, его встретили настороженные взгляды. Кто таков? Серьезно ли? Соню любили, за нее переживали, опасались. Красивая, неглупая, способная... А вот в личной жизни не везет.

Закончив работу в своем конструкторском бюро, Михайлов мчался в центр города, на улицу Герцена в Сонин театр. Не пропускал ни одного из ее спектаклей: его вскоре знали в лицо даже рабочие сцены. Случилось то, о чём раньше они и не мечтали: пришла любовь.

Когда она впервые сыграла софокловскую «Медею», он ходил за кулисами, гордо выставив грудь и сияя улыбками. Поздравляли не только дебютантку, но и его. «Заяц, ты молодец,— восхищался Володя,— ты была насто-

ящей Медеей, способной на все!» И подражая ей, декламировал запомнившееся: «...Беру я меч для горькой битвы жизни». Она смеялась: «Я для тебя способна на все. Даже на невозможное».

Однажды призналась ему, что ее давняя и прекрасная мечта вроде бы может осуществиться. В первое время страшилась: вдруг ошиблась? А потом глаза становились все глубже и покойнее в мудром ожидании счастья. «Если будет сын,— сказала Соня,— мы назовем его Вовкой».

В загсе спросили, как записать имя и фамилию девочки. Он сказал: «София Зайкова».

Выходя из загса на улицу с Сониной метрикой в кармане, он осторожно вытер подбородок у дочери и почмокал ей губами, чтобы развеселить:

— Ну что, Заяц, вот какие у нас с тобой теперь дела. И все-таки жить мы будем!

Если бы не эта девочка, он и представить не мог, как перенес бы горе. Дочь заново перевертывала жизнь. Друзья говорили: не тужи — поможем! Легко сказать — поможем. Он и очередной отпуск использовал, и за свой счет брал. Не уйдешь же с работы совсем. А с девочкой сидеть надо — кормить, обстирывать, прогуливать... Помощь требуется всерьез, каждодневно, хотя бы до тех пор, пока не найдет няньку. Нет родственников, способных взять на себя эту обузу. Друзья? Но разве потребуешь от друзей такое? Жизнь суэтная, у людей каждая минута на счету. А он, Михайлов, к тому же проживает за тридевять земель — на самой дальней окраине Москвы.

В Тушине в подъезде его дома незнакомый мальчишка придержал дверь парадного, чтобы Михайлову удобнее было войти с ребенком на руках. Догнал на лестнице.

— Бабушка сказала, что может к вам забежать помочь, если что...

Потоптался на месте и добавил:

— А нужно в магазин за хлебом, то я, пожалуйста, — мигом!

Дом большой, многоквартирный, вроде бы все попрятались по своим сусекам, разделенные этажами и стенами, ни с кем Михайлов в доме не знаком, а вот, оказывается, прознали про его беду, озабочились...

— Спасибо! Буду очень благодарен!

На другой день раздался звонок в дверь. Вошла немолодая женщина. Он пригляделся: кажется, видел ее за кулисами театра.

— Уф! — сказала женщина облегченно.— Наконец-то отыскала! Далеко же вы забрались!

Подошла к Сониной кроватке, деловито поправила одеяло.

— Буду через день приезжать. Так мы в театре решили.

Люди... Толкаемся в троллейбусах, на эскалаторах в метро, у прилавков магазинов, тяготимся теснотой, раздражаемся, порой с легкостью резкое слово оброним. Суетлива, нервна городская жизнь. И может показаться, что в тесноте ее разобщены, отдалены мы друг от друга. Но однажды вдруг узнаем, что не можем друг без друга. В житейской спешке, оказывается, не растеряли добродетели, искренности, сострадания.

«Володя, моя мать вышла на пенсию и очень хочет тебе помочь». И из подмосковного поселка на подмогу к Михайлова торопится неведомая ему женщина, мать одного из его приятелей. Их, доброхотов, оказалось много, тех, кто пришел на помощь в беде,— давние друзья и малознакомые соседи по дому, сослуживцы Михайлова по конструкторскому бюро и те, кто выходил с Зайковой на сцену. Кто-то ездил к кормилице за молоком, кто-то стирал пеленки, бегал за хлебом, нянчился с ребенком, когда отец был на работе, кто-то ходил по райисполкомовским кабинетам, «пробивая» для вдовца с грудным ребенком более подходящее жилье.

Шли месяцы... Соняросла, взрослела, привыкала к людям, к их улыбкам, голосам, добрым касаниям их рук. И к куклам, которые они всегда приносили ей в подарок.

* * *

Михайлов опустил девочку на пол. Она с любопытством взглянула на красную ковровую дорожку, которая вела от двери служебного входа в закулисные пространства театра, не очень уверенно сделала первый шаг, потом второй и вдруг смело, с легкой развалочкой направилась по коридору. Вдоль стен стояли те, кто знал ее мать.

— Здравствуй, милая!

— Здравствуй, Соня! Здравствуй, Соня Зайкова!

Пришли билетеры, потом гардеробщики в сером, потом один за другим артисты, рабочие сцены, костюмеры... И все несли новогодние подарки — костюмчики, туфли, шоколад, коврик на стену... И... куклы. Последними пришли из своих гримерных те, кто участвовал в сегодняшнем спектакле «Человек из Ламанчи». Размалеванные гримом, броско живописные, они тут же привлекли внимание маленькой гостьи. Высокий худой человек с жи-денькой бородкой и в рыцарских доспехах взял Соню на руки. Она ему улыбнулась: знала его лицо. Это был сам Дон-Кихот — артист Александр Лазарев,— это он, как депутат райсовета, воевал за новое жилье для маленькой Сони. Рядом с ним стоял свирепый вожак разбойников, захвативших в плен героя пьесы,— Борис Левинсон. Это он был организатором сегодняшней встречи. Добродушный рыжебородый Санчо Панса — артист Владимир Павлов — пытался всучить Соне еще одну куклу. Подошел суровый солдат инквизиции, осторожно извлек из своего грозного стального шлема розовые колготки и положил в общую кучу подарков на стол.

А потом Соню отец увез домой, потому что пора было начинать спектакль. На сцене театра имени Маяковского бесстрашный рыцарь, защитник справедливости Дон-Кихот Ламанчский вел неравную битву со злом. Над ним смеялись, его сбивали с ног, пинали, но он подымался снова, в затаившем дыхание зрительном зале звучал его горячий голос:

— Я хотел бы сделать наш мир хоть чуточку добрей и милосердней.

А в большом, недавно построенном доме на окраине Москвы, в своей новой квартире в окружении тесной компании кукол спала маленькая девочка, у которой был сегодня первый в жизни праздник.

ПОЛНОЧЬ В АВТОБУСЕ

Сорок минут! Времени уйма. Мы уверены, доберемся к сроку. Пешком и то успеем!

— А лучше возьмем такси! — бодро предлагает Борис.

Но приятель мой — не москвич, и его оптимизм выглядит в высшей степени наивно: на людной московской

улице меньше чем за час до наступления Нового года отыскать зеленый огонек!

— Скорее нам подвернется попутный ковер-самолет,— говорю я.

Разумеется, такси мы не находим. Пешком идти не хотим. Подчиняясь стойким городским привычкам, отправляемся на автобусную остановку.

На остановке — очередь. Притопывают подошвами снег — замерзли. Нервничают. 39-го нет и нет! То и дело кто-нибудь отгибает край рукава, тревожно поглядывает на часы.

— Сколько? — спрашивают остальные.

— Двадцать восемь минут...

После недолгого тоскливого молчания кто-то снова задает вопрос:

— Сколько там?

— Тридцать две...

Порывы ледяного ветра срывают с очереди невидимое облачко парфюмерных запахов и крепко бьет им в наши носы, напоминая, что где-то нас ждет беспечность новогодней ночи, теплый полумрак у елки, улыбки друзей... Но сейчас не до улыбок. Люди принаряжены, отутюжены, надушины. Люди едут на праздник. Но вот лица... Брови сурово сдвинуты, глаза колючие, как зимний ветер. Будто на работу опаздывают. Понять можно. Конечно, обидно не успеть к нужной минуте, к той самой минуте, обычновенной, рядовой, ничем не отличной от предыдущих и последующих, но возведенной людьми в генеральский сан.

— Провалился совсем! — негодует гражданин в пыжиковой шапке.

Борис спокойно замечает:

— У него расписание. В срок придет!

Все набрасываются на Бориса, да горячо, будто он директор автобусного парка.

— Знаем это расписание!

— Придет, конечно... в следующем году...

— Возмутительно! Хотя бы сегодня навели порядок.

Но мой Борис, всегда убежденный в том, что молчание — золото, вдруг решается на публичное выступление:

— Товарищи, дорогие! — говорит он, простодушно улыбаясь. — Зачем же так нервничать? Ведь как-никак праздник.

В него упираются хмурые взгляды. Он выслушивает новый поток обидных слов.

Наконец автобус приходит. Ждали-то всего минут семь, а они показались вечностью. Торопливо втискиваемся в дверь, торопливо рассаживаемся по сиденьям. Автобус полупустой.

Борис, склонившись ко мне, вполголоса говорит:

— На твоей улице живут самые **неорганизованные** люди в Москве... — И после паузы добавляет: — И самые сердитые.

Едем, молчим. В домах маняще светятся окна. Должно быть, уже бокалы наполняют, тычат вилками в закуски. И радио вздрогивает от собственной мощи, придавливая застольную болтовню, — ждут боя курантов...

Улицы пустынны. Только такси бешено мчатся, наступая на хвосты уходящим минутам. Кто-то успеет!

А автобус бежит себе, погромыхивает. Шофер беспристрастным металлическим голосом объявляет по радио остановки:

— «Ваганьковский мост». Следующая...

Мужчина в пыжиковой шапке сидит впереди нас. Бережно, как ребенка, придерживая на коленях чемодан, в котором что-то стеклянно позвякивает, он беспокойно вертит головой по сторонам. На щеках свежие порезы — брился второпях.

— Это невозможно! — чуть ли не стонет он. — Просто сойдешь с ума. Неужели он не может побыстрее?

— Расписание! — говорю я как можно спокойнее, вызывающе косясь на Бориса.

Мужчина поднимает на меня негодящие глаза.

— Шутите! А у них там ни одной бутылки. Все здесь у меня — в чемодане.

— Придется чайком...

Я чувствую, что сейчас можем поругаться. Только Борис невозмутим. Подперев стенку автобуса плечом, сидит себе да ясными глазами поглядывает в окошко. Это меня злит. Хотя злиться на Бориса не стоит. Он скитаец. Привык с Новым годом встречаться как с попутным рядовым пассажиром — то в воздухе, то на засыпанном метеями далеком аэродроме, то в гостинице в чужом городе, редко в семье. Относительно праздников у Бориса своя философия.

— Сколько там осталось? — слышим за спиной вздох.

— Одиннадцать минут...

Сидящая у входа молодая пара не выдерживает. Оба вскакивают и стучат в стекло к водителю:

— Послушай, друг, нельзя ли побыстрей? — Парень выразительно тычет пальцем в часы.

В полуумраке за стеклом вспыхивают белизной зубы шофера и сокрушенно приподнимается его правое плечо: не могу, мол!

— Опоздали! — грустно произносит девушка.

— Все из-за твоих нарядов! — бурчит парень.—Копуха!

С заднего сиденья вдруг доносится голос:

— Нашли кого уговаривать! Разве это человек! Еще улыбается! На всех ему наплевать! Невежа!

Это в действие вступает немолодая дама с густо напудренным лицом.

— Нарочно не торопится! Раз самому не праздновать, значит, и другим не надо...

Борис досадливо крякает. Лицо у него грустное.

— Ты что?

— Да так... — бормочет он.—Странные люди... Злятся, ругаются...

— Но ведь обидно опоздать-то...

Друг смотрит на меня снисходительно.

— Послушай! — говорит он.—Ведь праздник не самолет, который улетает ровно в полночь. Праздник вот здесь должен быть. — Борис тычет большим мохнатым пальцем полярной рукавицы в грудь.—Вот здесь. В себе!

Автобус наш почти пуст. Большинство повыскакивали на предыдущих остановках. Ступенька у двери автобуса была трамплином для спринтерского старта — мчались сломя голову и молодые и пожилые. А оставшиеся им завидовали.

Все мы молчим. Смирились. Я смотрю на свои часы. Вот сейчас это самое и произойдет!

— Без трех минут двенадцать... Без двух... Без одной...

И вдруг автобус скрипит тормозами и замирает. Глядим в окна — пустая улица. Что случилось?

— Граждане пассажиры! — слышим голос шофера.—Товарищи! Ровно двенадцать... Двадцать четыре ноль-ноль. Значит, так вот... С Новым годом вас... Всего вам хорошего в жизни, успехов разных, здоровья, конечно... и вообще...

Голос у шофера бойкий, веселый, молодой — совсем не металлический,— а в мглистом стекле кабины светлым пятном его смеющееся лицо и рука с микрофоном.

Подышал с треском в микрофон и добавил:

— А на шоферов не обижайтесь. График есть график. Даже в новогоднюю ночь.

Постоял минутку наш автобус и покатил дальше. И уже по радио буднично-просто:

— Следующая остановка: «Площадь Восстания»...

...Вот и пришел Новый год! Кажется, ничего особенного не случилось. Просто остановился автобус накоротко в неподложенном месте. И уже едем дальше, как и минуту назад в году, только что ушедшем... И те же пустынные улицы за окнами, и те же люди в автобусе... Но что-то все-таки произошло в эту минуту. Что-то хрустнуло и поломалось в нас самих, как тонкая корочка льда. Что-то изменилось. И мы чувствуем, что именно к нам в автобус пришел праздник. Сделала нас эта минута такими, какими мы должны быть, — достойными праздника.

И уже хозяйствничает в автобусе мой Борис, торжественный и значительный, как тамада на кавказской свадьбе. Стучит в стекло к шоферу:

— Спасибо, парень! Выручил нас. С Новым годом! Удачи тебе шоферской, хороших пассажиров и графика нового... чтоб поплотнее был!

В автобусе улыбаются, а Борис ходит от сиденья к сидению, уверенно, как в своем самолете, и каждому жмет руку.

— С Новым годом!

И каждый его поздравляет ответно. Вид у Бориса такой, будто уже выпил, хотя еще не прикасался. В другой обстановке наверняка подумали, что навеселе. А я бы за него стеснялся. А почему? Почему искренность в выражении хороших чувств на людях вызывает у нас иной раз подозрение относительно трезвости человека? Молодец, Борис! Смотри, на глазах у тебя меняются люди. Только напудренная дама по-прежнему сидит, поджав губы.

— Ну, а вы что? — подходит к ней Борис. — Улыбнитесь, пожалуйста. Ведь праздник наступил... и к тому же шофер наш совсем неплохой парень!

— Да ну вас совсем, — ворчит дама. — Что вы, право... — И вдруг все-таки растягивает вширь подведенны губы, словно ненароком выранивает из себя улыбку.

И, уже окончательно разоружаясь, облегченно вздыхает: — Ну, и слава богу, наступил!..

...Катит наш автобус по Москве. Нас в автобусе шестеро. Мы уже не смотрим на часы. И если мы сейчас все-таки торопимся, то только потому, что нас ждут еще и другие. А седьмой — шофер, который сегодня работает, крутит свою «баранку». Так ему выпало. Но шофер — догадливый парень, и праздник он захватил с собой. Для себя и для других.

НЕ ЗАБЫВАЙ О НЕМ!

Нельзя быть настоящим человеком, не любя людей. Нельзя любить людей и не любить природу. «Чтобы понимать природу,— писал М. Пришвин,— надо быть очень близким к человеку и тогда природа будет зеркалом, потому что человек содержит в себе всю природу».

Недавно я приехал из командировки в Костромскую область. Сейчас сижу за столом над листом бумаги и вспоминаю о том, как все было.

...Выхожу из поселка. Путь мой неблизкий. Не хочется верить, что не увижу его живым. В такой-то день! Шагаю по лесным тропам к берегам реки Мера. Солнечно, тепло, под голубым куполом неба праздничная пестрота осени — в такие дни не гаснут, а рождаются надежды. Впереди семенит короткими ножками Шарик, смешной пес с острой мордой лисицы и загнутым крючком хвостом лайки. Навязался Шарик в товарищи, едва я вышел на окраину Щелыкова, и уверенно возглавил поход, будто заранее знал цель. Видно, Шарику не впервые провожать гостей к Зачарованному лесу. Маршруты здесь привычные, земля туристская с четко означенными объектами.

Земля такая же, как повсюду на Замерской стороне,— холмистая, овражистая, лесная, со множеством речек и ручьев. Но именно тут, вокруг деревни Щелыково, ее прозвали сказочной. Много лет назад жил в Щелыкове человек, который любил выдумывать. Бродил по окрестностям, вглядывался в лесные чащобы и выдумывал всякие чудеса. Превратил Щетыковские угодья в Страну берендеев, поселил в ней царя Берендея и купца Мизгирия, бога Ярилу и Кащея Бессмертного, пастуха Леля и прекрасную Снегурочку. Уже

девяносто лет, как скончался в Щелыкове Александр Николаевич Островский, а сказки его все еще живут на здешней земле. Вот Ярилина долина с крошечным, прозрачно голубым озерцом; можно видеть, как на дне пульсирует в песке и иле струя родника — будто бьется чье-то хрупкое сердце. И каждому ясно, что это сердце Снегурочки, ведь, как утверждал Островский, растаяла она именно здесь, в Ярилиной долине. В километре отсюда, у деревни Бережки высится Красный обрыв, с которого бросился в реку Куекшу влюбленный в Снегурочку Мизгирь. А подальше — Долина эха, а еще дальше — Зачарованный лес...

Сказки не умирают. Из старых вырастают новые. Однажды кто-то вошел в древний сосновый бор на высоком берегу реки Мера, изумился его необычности и назвал Зачарованным. Название легко прижилось — ведь оно продолжало сказку. С тех пор стал бор такой же необходимой частью Страны берендеев, как Ярилина долина или Красный обрыв.

Шли годы, слава Зачарованного леса росла. Его рисовали художники, изучали натуралисты, снимался в нем кинофильм «Снегурочка» — вряд ли его авторы смогли бы найти более подходящую натуру для киносказки.

...По лесным тропкам шагаю к берегам Меры. Бегут тропки по холмам и оврагам, по шатким мосткам над лесными ручьями, порывы ветра срывают с берез листья, вихрями золотой метели кружатся листья над дорогой, осыпаются на ветви молодых елок новогодним убранством. Красивы щелыковские места! Изумлялся им Островский, писал: «Природа лучше мечты».

Выхожу к Мере, тихой, живописной реке, на которой любил рыбачить Островский. На берегу две избы — все, что осталось от бывшей здесь когда-то деревни Рыжовка. В одной избе что-то вроде маленькой гостиницы для щелыковских гостей, которые рады хотя бы денек пожить у Зачарованного леса. На двери замок — пуст приют. В соседней избе живет чета Тряпкиных, смотрителей приюта. На пригорке перед избами столб с указателем: «Зачарованный лес».

На веселое тявканье Шарика выходит на крыльцо молодая круглолицая женщина, смеется: «Здравствуй, Шарик! Гостя привел?» И ко мне с легким поклоном: «Редок гость у нас ныне. Леса-то нет».

На утлой лодочонке переправляюсь на тот берег. Ша-

рик отважно бросается через лядяную Меру вплавь — торчат над водой лишь черный, шумно посыпающий собачий нос, два остекленевших от холода глаза и поднятый парусом пушистый хвост:

Вдоль берега узкая полоска живых деревьев. Несколько десятков шагов, и я вступаю в странный мир. В нем главный цвет — черный: будто каменные, тускло поблескивают стволы полусгоревших древних сосен, судорожно тянутся к небу голые, без иголок, ветки, земля под ногой, как асфальт, — темна, тверда и бесплодна, лежат на ней угольно траурные тени. Ни кустика живого, ни травинки, даже гриба поганого не встретишь. Пробежит по мертвому лесу ветер, и лес откликается странным, незнакомым, совсем не лесным гудом — будто из-под земли. Бьет в нос едкая гарь. Что-то давно забытое, тревожное шевелится в памяти. Жмется к моему сапогу вдруг оробевший Шарик.

Часть сгоревших деревьев повалили, сложили дровами в поленницы. Когда повалят все остальные, будет здесь пустырь. Найти бы хоть клочок знаменитого мха! Именно этот мох и был главным чудом бора — редкой густоты, разных оттенков — словно радуга над лесом осыпалась: и розовый, и зеленый, и сиреневый, и голубой. Особенно много было голубого, поэтому даже в яркий солнечный день казалось, что лес залит мягким лунным светом. Необычно тих, недвижим — птицу не услышишь, бабочка не пролетит. Вступая на его тропы, люди невольно говорили шепотом, а если кто и решался аукнуться — отзывался лес эхом долгим, чужеголосым, словно не эхо это, а чей-то крик ответный. Даже грибы боровики водились здесь не такие, как в других местах, — выглядывали из мха коренастые крепыши с необычно темными неширокими шляпками, напоминали застывших в страже гномов. Казалось, колдовские чары погрузили столетний бор в вечную дрему.

...Он сгорел в прошлом году за несколько часов. Приехали из Кинешмы трое ловить на Мере рыбу. Сухота стояла небывалая, но пришлые горожане не утруждались выбором для костра безопасного места. Один из них, последним покидая стойбище, угли не пригасил. Должно быть, не было у него такой манеры: уходя, тушить в лесах после себя костры. У многих из нас нет еще привычки беспокоиться за судьбу природы: взять от нее всегда готовы, а вот сберечь не догадаемся — ведь она вроде бы

«общая», значит, «ничья», ее «много». Ушел тот человек, не оглянувшись: что ему лес со всеми его чарами — тянуло в соседнюю деревню за водкой.

Сотни людей со всего района ринулись к Мере спасать заповедный бор. Да где там! Вспыхнул факелом — за многие километры зарево виделось.

Иду по обожженной огнем земле. Вместо заповедного мха скрипит под сапогом древесный уголь. Вдруг среди черных стволов неожиданно яркая зелень живого: молоденькая пушистая елка. Вот диво, уцелела! Даже ветви не подпалились — будто погибающее в огне вместе с лесом доброе волшебство сказки отдало елке последние свои силы, чтобы спасти хотя бы ее. Немногое спасено!

Возвращаемся с Шариком на тот берег Меры. С крыльца избы зовут меня в гости. Александр Тряпкин невысок ростом, худощав, лицом тих. В тот роковой день первым увидел начало пожара, в отчаянье схватил лопату и в одиночку бросился на грозное, набирающее силу пламя, пока его дочка Светка мчалась в деревню Угольскую поднимать народ.

— Нет уже нашего бора... — тихо говорит Гая, и глаза ее темнеют затаенной печалью. Так говорят о потерянном близком человеке.

И она, и муж ее — жители сельские, Сашин отец лесником был, к природе привычные, но когда десять лет назад впервые приехали сюда и вошли в бор, то ахнули: сказка! Там рядом со сказкой и жили все эти годы, а однажды даже в ней участвовали: во время съемок «Снегурочки» записали их в артисты — Саша был ушкайником, Гая боярышней, а Светка дитятею крестьянской. Особенно дорог лес Светке. Она вроде экскурсовода водила гостей по самым «волшебным местам».

Мы сидим за столом у окна. В другом конце горницы грохочет оставленный без внимания телевизор. Передают что-то про войну: выстрелы, крики... Я вдруг вспоминаю черные стволы сосен. Вот что они мне там в лесу напомнили — войну!

Саша смотрит на часы: скоро ребята объявляются. Дети Тряпкиных Света и Сережа учатся в далеком селе, живут там в интернате, приезжают гостить только на субботу и воскресенье. Свете — одиннадцать, Сереже — девять. От шоссе, где останавливается автобус, идти им больше трех километров, и все лесом.

— Не страшно ребятам?

— А чего страшиться? Лес не обидит. Его бы не обижали.

...Знакомыми тропками возвращаемся мы с Шариком домой. Перед деревней Угольское лес кончается, и впереди в поле замечаю две темные фигурки. Шарик радостно бросается им навстречу. Сережа белокож, белобров — в отца, у длинногой Светки глаза большие, блестящие — мамины. Мы присаживаемся на брошенное у дороги бревно, говорим о погибшем лесе. Глаза у девочки вспыхивают: вот это был лес! Сухая ветка упадет, и тут же обращает пушистым мхом и, пожалуйста, перед тобой Змей Горыныч или Иван-царевич на Волке. Из мха, как из снега, можно было что хочешь лепить — Снегурочку, медведя, особенно смешными получались зайцы. А у просеки стоял Голубой бор, мох в нем был цвета неба. Там и построила Светка свой «дом» — врытый в землю деревянный стол, покрытый разноцветной скатертью из мхов, меж стволами на тесемках висели гирлянды шишек, обозначая стены, а крышей нависали тяжелые и пахучие ветви сосен. Из соседних деревень приходили в Светкин дом босоногие гости, шепотом спрашивали: «А где жил Берендей? А где летом пряталась Снегурочка?»

Девочка усмехается:

— Конечно, все это сказки-выдумки, но ведь, правда, интересно придумывать всякое?

Улыбка медленно гаснет на ее лице, глаза округляются:

— Пожар был — страх! Огонь гудел, как пароход. А я в Угольское бежала за людьми... Думала, спасут...

Света прикусывает сорванную былинку, глядит кудато в поле:

— ...Знаете, мне все кажется, что он не сгорел совсем. Переплыли реку, и вот он: жив-живехонек.— Девочка поворачивает задумчивое лицо ко мне.— Не может же он сгореть совсем, правда? А куда же тогда денутся сказки?

Обхватывает руками худые ноги, тихо, словно по секрету, сообщает:

— Елку там посадила... У лесника выпросила — пушистая, как матрешка. Натащала чернозема, навоза, через день бегала поливать...

— Так это, значит, твоя елка! Видел ее.

— Видели? — Девочка оживляется.— Вы думаете, вырастет?

— Конечно! Непременно вырастет. Новый лес поднимется.

— А я все о старом вспоминаю...

— Вот и хорошо. Значит, старый лес не сгорел совсем, значит, продолжает жить в тебе, а это очень важно. Иначе куда бы деваться сказкам?

Она сдвигает брови:

— А пожар? Я же не могу забыть про пожар?

— И не надо. Не забывай... Такое, Света, нельзя забывать никогда!

СОДЕРЖАНИЕ

4	«Познай самого себя»
7	Щедрость
11	Дерзание
16	Идущий путь проходит
18	Всегда кстати
21	Верный диагноз
26	Однажды на берегу реки...
29	«Спасибо»
32	Все отдано тебе!
36	Полночь в автобусе
41	Не забывай о нем!

Леонид Викторович Почивалов

ЗАЧЕМ Я!

**Редактор А. В. Жолнина
Художник Н. Б. Старцев**

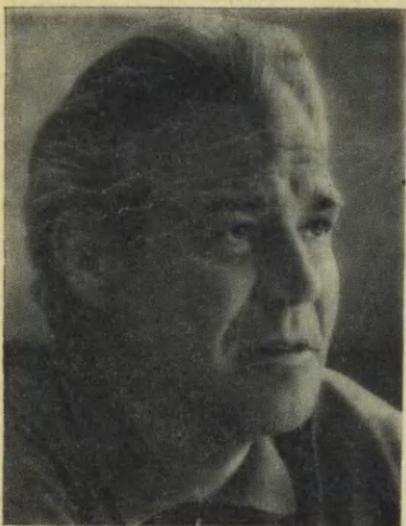
**Художественный редактор Р. А. Ключков
Технический редактор О. Ю. Цишевская
Корректор М. Е. Барабанова**

Сдано в набор 3/XI-75 г. Подписано к печати
19/II-76 г. Формат бум. 84×108/32. Физ. печ. л. 1,5.
Усл. печ. л. 2,52. Уч.-изд. л. 2,45. Изд. инд. МПЛ-37.
A11616. Тираж 100.000 экз. Цена 10 коп. Бум. № 1
типовр. Зак. № 520.

Издательство «Советская Россия».
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома
Государственного комитета Совета Министров
РСФСР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли, г. Электросталь Московской
области, ул. им. Тевоясина, 25.

10 коп.

Леонид Почивалов — журналист и писатель. Он много путешествовал по нашей стране и за рубежом нашей Родины: на Дальнем Востоке, на островах Арктики, высаживался на дрейфующую станцию «Северный полюс», на борту научно-исследовательского судна «Витязь» совершил плавание в южные широты Тихого океана.

Л. Почивалов — автор многих книг, очерков, рассказов и повестей, в основу которых легли его наблюдения.